

Научная статья

УДК 94(470.56)“185/186”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.5

«Нравственность воспитанников этого военно-учебного заведения достойна совершенного одобрения и похвалы»: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в конце 1840-х — первой половине 1860-х гг.

Юрий Михайлович Гордеев¹, Алексей Юрьевич Карпинец²

¹ Кемеровское президентское кадетское училище, Кемерово, Россия, kempku_2@mil.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2838-0866>

² Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, naukarpinets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Аннотация. В статье, созданной по материалам делопроизводственной документации федеральных архивов, исследуется значимый период конца 1840-х — первой половины 1860-х гг. в развитии Оренбургского кадетского корпуса. Оценивается его кадровый состав. Средний возраст служащих учреждения составлял около 40 лет, среднегодовой оклад — 565 рублей. Выявлены особенности дальнейшей карьеры выпускников, пополнявших штат военных учреждений региона, усиливая офицерскими кадрами оренбургские линейные батальоны, Оренбургское и Уральское казачьи войска. Азиатские выпускники служили в Орде и в Башкирском войске. Некоторые из них добивались значительных карьерных высот на военной и гражданской службе. Определена специфика воспитательного и образовательного процесса. К началу реформирования кадетских корпусов в середине 1860-х гг. Оренбургский корпус подошел в очень приличном состоянии, о чем свидетельствовали инспекторские осмотры, достаточно высоко оценивавшие ключевые позиции работы учебного заведения.

Ключевые слова: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, военно-учебные заведения Российской империи, история Оренбуржья XIX в., кадеты, военное образование и воспитание.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 124041100076-4 «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII—XX вв.», 2024—2025 гг., FWEZ-2024-0023).

Для цитирования: Гордеев Ю. М., Карпинец А. Ю. «Нравственность воспитанников этого военно-учебного заведения достойна совершенного одобрения и похвалы»: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус в конце 1840-х — первой половине 1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 123—146. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/5_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.5.

Original article

“Morality of the students of this military educational institution is worthy of complete approval and praise”: Orenburg Neplyuev Cadet Corps in the late 1840s — first half of the 1860s

Yuri M. Gordeev¹, Alexey Yu. Karpinets²

¹ Kemerovo Presidential Cadet School, Kemerovo, Russia, kempku_2@mil.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2838-0866>

² Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia, naukarpinets@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

© Гордеев Ю. М., Карпинец А. Ю., 2025

Abstract. The paper, based on the records of the federal archives, characterizes a significant period of the late 1840s — first half of the 1860s in the development of the Orenburg Cadet Corps. Its personnel is assessed. The average age of the institution's employees was about 40 years and the average annual salary was 565 rubles. The features of the subsequent careers of graduates who replenished the staff of military institutions of the region, strengthening the Orenburg linear battalions, Orenburg and Ural Cossack troops with officer cadres are revealed. Asian graduates served in the Horde and the Bashkir army. Some of them achieved significant career heights in the military and civil service. The specifics of the educational and upbringing process are determined. By the beginning of the reform of the cadet corps in the mid-1860s the Orenburg building had arrived in very decent condition, as evidenced by inspections, which highly rated the key positions of the educational institution's work.

Key words: Orenburg Neplyuev Cadet Corps, military educational institutions of the Russian Empire, history of the Orenburg region of the XIX century, cadets, military education and upbringing.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state assignment (Project No. 124041100076-4 "Kuzbass as part of the Russian state: socio-economic and socio-political development of the region in the 17th—20th centuries", 2024—2025, FWEZ-2024-0023).

For citation: Gordeev Yu. M., Karpinets A. Yu. "Morality of the students of this military educational institution is worthy of complete approval and praise": Orenburg Neplyuev Cadet Corps in the late 1840s — first half of the 1860s. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 123—146. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.5>.

Введение

Актуальность исследования обусловлена 200-летним юбилеем военного образования в Оренбурге. 2 января 1825 г. открылось военно-учебное заведение — Оренбургское Неплюевское военное училище. Спустя 19 лет оно было переименовано в кадетский корпус и вошло в славное семейство кадетских корпусов Российской империи. Проблемы и особенности деятельности учреждения в статусе престижного кадетского корпуса в период конца 1840-х — первой половины 1860-х гг. являются главным предметом настоящей статьи, продолжающей серию научных публикаций авторов, посвященных данной проблематике [8—10].

Источниковую базу исследования в основном составили документальные материалы двух фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва) — 1754 (Оренбургский Неплюевский кадетский корпус) и 725 (Главное управление военно-учебных заведений). В отдельных случаях привлекались материалы Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и опубликованные источники в виде справочных и периодических изданий, мемуарной литературы.

Применение совокупности общенаучных и специальных научных методов позволило авторам решить поставленные задачи, связанные с характеристикой кадрового контингента Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, анализом состава его воспитанников и выпускников, оценкой материальной базы учреждения, выявлением специфики воспитания и обучения оренбургских кадет в конце 1840-х — первой половине 1860-х гг.

Результаты исследования

Служащие корпуса

Кадровый состав Оренбургского Неплюевского корпуса конца 1840-х — 1850-х гг. представлен в таблице 1. Список не полон, но дает представление о разных категориях служащих учреждения рассматриваемого периода.

Таблица 1

Кадровый состав (выборочный) учебного заведения конца 1840-х — 1850-х гг.

ФИО	Должность	Возраст, карьера	Годовое жалованье
Дьяконов Александр Никифорович	Инспектор классов	56 лет, православный, статский советник, в должности с 1832 г.	1401 руб. + столовых 560 руб. + 142 руб. квартирных. Всего 2103 руб.

ФИО	Должность	Возраст, карьера	Годовое жалованье
Ячменев Андрей Алексеевич	Помощник эконома	28 лет, православный, коллежский регистратор, в должности с 1852 г.	168 руб. + квартирных 57 руб. + столовых 30 руб. Всего 255 руб.
Лобанов Федор Иванович	Бухгалтер	47 лет, православный, в ОНKK* с 1831 г. на должностях фельдфебеля, эконома, писаря, помощника делопроизводителя, с 1850 г. — бухгалтер	224 руб. + квартирных 57 руб. + столовых 30 руб. Всего 311 руб.
Петров Дмитрий Алексеевич	Старший лекарь	38 лет, православный, в ОНKK с 1840 г.	334 руб. + 30 руб. столовых + 171 руб. квартирных. Всего 535 руб.
Геппен Киприан Августович	Старший лекарь Оренбургского батальона военных кантонистов (ОБVK)	38 лет, католик, из дворян, надворный советник, в ОБVK с 1852 г.	334 руб. + 171 руб. квартирных. Всего 505 руб.
Фигнер Александр Александрович	Эскадронный офицер	36 лет, православный, в ОНKK с 1841 г., с 1845 г. — прикомандиро- ванный командир 2-го эскадрона	Нет данных
Ведринский Владимир Васильевич	Штабс-капитан, эскадронный офицер	35 лет, православный, с 1851 г. в ОНKK, с 1852 г. в должности прикомандированного штабс- капитана	Нет данных
Сапожников Иван Дмитриевич	Эскадронный офицер	27 лет, православный, из дворян, прапорщик, воспитанник ОНKK, прикомандирован к ОНKK в 1855 г.	Нет данных
Губский Николай Иванович	Дежурный офицер	28 лет, православный, из дворян, поручик, воспитанник ОНKK, прикомандирован к ОНKK в 1853 г.	Нет данных
Бибиков Иван Васильевич	Адъютант и казначей	40 лет, православный, капитан, в ОНKK с 1841 г., с 1845 г. в указанной должности, умер в 1857 г. от воспаления кишечника	Нет данных
Магницкий Василий Михайлович	Старший учитель математики	27 лет, православный, в ОНKK с 1848 г.	1040 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 1125 руб.
Федоров Николай Андреевич	Старший учитель математики	36 лет, православный, надворный советник, учитель математики с 1841 г., преподаватель физики, земледелия и лесоводства	706 руб. + квартирных 85 руб. Всего 791 руб.
Грязнов Александр Павлович	Старший учитель русской словесности	43 года, православный, коллежский советник, в должности с 1836 г.	660 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 745 руб.
Классовский Фердинанд Игнатьевич	Старший учитель истории (всеобщей и русской)	38 лет, католик, из дворян, коллежский секретарь, с 1848 г. в ОНKK. В 1853 г. умер от язвы желудка	400 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 485 руб.
Курвоазье Джулиян Джулиянович	Младший учитель французского языка	36 лет, реформатист, титулярный советник, в ОНKK с 1844 г.	625 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 710 руб.

ФИО	Должность	Возраст, карьера	Годовое жалованье
Давыдов Филипп Генрихович	Младший учитель немецкого языка	42 года, лютеранин из мещан Курляндской губернии, в ОНKK с 1849 г.	625 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 710 руб.
Кармальный Василий Петрович	Младший учитель русского языка	32 года, православный, в должности с 1850 г.	270 руб. + 85 руб. квартирных. Всего 355 руб.
Дотти Михайло Осипович	Учитель танцев	36 лет, православный, титулярный советник, в ОНKK с 1837 г.	280 руб. + 57 руб. квартирных. Всего 337 руб.
Заборский Лука Ксенофонтович	Учитель черчения ситуационных планов	42 года, православный, капитан, в ОНKK с 1849 г.	Нет данных
Иванов Михайло Иванович	Помощник учителя гимнастики	37 лет, православный, в должности с 1837 г.	85 руб. + 30 руб. столовых. Всего 115 руб.
Леблан Иван Петрович	Берейтор	46 лет, иностранец на российской службе, католик, губернский регистратор, в ОНKK с 1843 г.	170 руб. + 114 руб. квартирных. Всего 284 руб.
Толумбаев Егор Николаевич	Помощник берейтора	39 лет, православный, учитель верховой езды с 1841 г., прикомандированный хорунжий с 1849 г.	Нет данных
Исеев Григорий Федорович	Репетитор военных наук и математики	27 лет, православный, прикомандированный поручик, в должности с 1852 г.	Нет данных

Источники: [40, л. 1—73; 41, л. 1—37].

* ОНKK — Оренбургский Неплюевский кадетский корпус.

Средний возраст служащих Оренбургского корпуса, таким образом, составлял около 40 лет, среднегодовой оклад — 565 руб. Несмотря на внешне довольно «стройный» штатный состав, результаты дежурной ревизии 1850 г. в очередной раз, начиная с середины 1840-х гг., демонстрировали кадровую проблему учреждения. В Оренбургском корпусе наблюдался кадровый дефицит, но в этом не было вины корпусного начальства: до 1855 г. учительское жалованье в заведении оставалось низким, а учебная нагрузка в силу наличия двух отделений и прочей специфики военно-учебного заведения была велика, поэтому опытные и высококвалифицированные преподаватели не спешили занимать вакантные места в этом учебном заведении.

Например, в 1850 г. оставалось вакантным место учителя истории, которое по совместительству занимал учитель истории уездного училища Классовский. Вакантными являлись и должности младших учителей русского языка, которые временно занимали: в 1-м эскадроне — учитель географии Эпафродитов, во 2-м эскадроне — учитель математики Магницкий. По Положению о корпусе, утвержденному в 1840 г., в средних и верхних классах должны были преподавать старшие учителя, в нижних классах — младшие. В соответствии с этим Положением ставки младших учителей, к примеру, французского и немецкого языков, имелись, но были заняты старшими учителями указанных языков, поскольку только с такой двойной учебной нагрузкой их жалованье могло быть более или менее приемлемым.

Ощущался дефицит не только преподавателей, но и прикомандированных к корпусу офицеров, поэтому нередким было явление, когда должность дежурного офицера зани-

мал унтер-офицер из числа учеников специальных классов. Это не было верным решением, поскольку нарушало субординацию и отвлекало таких кадет от учебного процесса, но другого выхода просто не было [32, л. 30—32].

С целью изменения ситуации в лучшую сторону 2 апреля 1855 г. чинам и офицерам Неплюевского и Сибирского корпусов были предоставлены служебные преимущества. На всех классных чинов и офицерских служителей обоих корпусов были распространены права сибирских гражданских служащих, связанные с сокращением пенсионного возраста и установлением дополнительного (*«прибавочного»*) жалования через каждые 5 лет службы [28, л. 2].

Несмотря на объективные трудности службы в военно-учебном заведении, долгие годы в корпусе служили люди, самоотверженно преданные своему делу и много способствовавшие тому, чтобы *«нравственность воспитанников этого военно-учебного заведения [была] достойна совершенного одобрения и похвалы»* [22, л. 17—17 об.]. К таковым можно отнести Михаила Сергеевича Шилова — директора корпуса с 1848 по 1862 г. Признанные специалисты по истории корпуса В. Г. Семенов и В. П. Семенова отмечают, что он был руководителем строгим, но справедливым. Поэтому во многом учебное заведение заслужило похвальные отзывы от столичных инспекторов, периодически ревизовавших корпус.

Под начальством М. С. Шилова службу осуществляли «легендарные» инспекторы классов Александр Никифорович Дьяконов и Петр Васильевич Митурич. Первый исполнял инспекторские обязанности с 1832 по 1854 г., второй — с 1854 по 1867 г. Будучи коллегами и друзьями, оба, помимо исполнения инспекторских функций, являлись преподавателями, учеными и общественными деятелями. Во всем являясь верной правой рукой руководителя учреждения, они способствовали его динамичному развитию.

Нельзя не отметить и ряд преподавателей, внесших неоценимый вклад в воспитательный и образовательный процесс. Преподавателем восточных языков с 1836 по 1859 г. (с перерывами) являлся языковед, педагог-просветитель, ученый-фольклорист Салихьян Бикташевич Кукляшев. Его коллегой был учитель, ученый, общественный деятель, дипломат Мирсалих Мирсалимович Бекчурин, преподававший восточные языки с 1842 по 1878 г. (с перерывами). Оба были выпускниками этого учебного заведения.

Как бы пафосно это ни звучало, но, возможно, подготовкой только этих двух виднейших представителей азиатской интеллигенции, которые одновременно являлись и учителями, и просветителями, и дипломатами на российской государственной службе, на наш взгляд, можно было бы обосновать необходимость и значимость основания учебного заведения, важнейшей миссией которого являлась интеграция казахов в среду русского мира. Наконец, в начале 1860-х гг. в корпусе учителем русского языка и словесности работал выдающийся литератор, литературный критик, поэт Аполлон Александрович Григорьев. Это лишь отдельные примеры личностей, обучавших оренбургских кадет, способствуя их нравственному и интеллектуальному воспитанию в исследуемый период [35, с. 103—105, 123—129, 156—166].

Воспитанники (на примере первого выпуска десятилетия 1850-х гг.)

Первый год пятого десятилетия XIX в. отметился очередным выпуском из учебного заведения. Проанализируем его во всех деталях.

1-й (европейский) эскадрон покинули 18 выпускников в возрасте 16—20 лет, поступивших в 1843/45 гг. Они были произведены в офицерские чины и определены в военные учреждения Оренбуржья. Семеро кадет 1-го эскадрона (Н. Бабинцев, Н. Дрейер, В. Есипов, К. Колмаков, С. Лукин, А. Пенский и А. Щербачев) были выпущены прапорщиками оренбургских линейных батальонов 23-й пехотной дивизии. Трое были распределены в

оренбургские линейные батальоны унтер-офицерами с производством в прапорщики через полгода. Четверо кадет того же европейского эскадрона были определены хорунжими в Уральское казачье войско. Н. Калачников был распределен хорунжим в Оренбургское казачье войско. Трое были *«удостоены к выпуску»* хорунжими в конную артиллерию Оренбургского казачьего войска.

2-й (восточный) эскадрон в 1851 г. окончили 19 воспитанников в возрасте 17—20 лет, поступивших в учебное заведение в 1845/46 гг. Русские выпускники (9 воспитанников) были определены в казачьи войска, азиаты (10 воспитанников) — в Орду и в Башкирское войско. В частности, четверо кадет 2-го эскадрона были произведены хорунжими в Уральское казачье войско. Трое выпускников того же азиатского эскадрона были распределены хорунжими в Оренбургское казачье войско. М. Подушкин и Л. Бурцев были определены унтер-офицерами Оренбургского линейного батальона с производством в прапорщики: первый — через полгода, второй — через год. Четверо азиатов были устроены хорунжими в Орду, двое — хорунжими в Башкирское войско. Двое кадет — зауряд-хорунжими в Орду. Выпускник 2-го эскадрона Ю. Ниязов был определен в Орду сотником, М. Бикмухамедов — зауряд-сотником [36, л. 4—44].

Таким образом, выпускники корпуса в очередной раз пополнили ряды квалифицированных кадров военных учреждений региона. Правда, инспекторская проверка 1850 г. выявила один серьезный недостаток в виде несоответствия квалификации выпускников 1-го эскадрона их служебным обязанностям. Дело в том, что кадеты, выпускавшиеся в офицеры линейных батальонов, почти не знали правил рекрутской школы, необходимых для подготовки пехотного солдата. В этой связи выпускники 1-го эскадрона вместо того чтобы обучать правильным ружейным приемам солдат, должны были определенное время сами им учиться, поскольку в корпусе они учились владеть ружьем по-драгунски.

Естественно, это не добавляло авторитета молодым офицерам, которых в пехотных батальонах первое время держали за недоучек. Кроме того, кадеты не носили форму и амуницию пехотного солдата, а потому не были знакомы с ее пригонкой и иными тонкостями. Другими словами, кадеты готовились к драгунской службе, а выпустившись офицерами в линейные батальоны, должны были обучать солдат службе пехотной. Исходя из этого, инспектор выносил логичную рекомендацию переименовать европейский эскадрон в роту по примеру Сибирского кадетского корпуса [32, л. 32—33].

Не умаляя заслуг Оренбургского корпуса в подготовке офицерских кадров для русских казачьих войск, отметим, что важнейшей целью учебного заведения была подготовка азиатов, интегрировавших Казахскую степь в Российское имперское пространство. В этой связи местный кадетский корпус играл важнейшую геополитическую роль.

Сейчас, когда Россия вновь стремится укрепить свое геостратегическое положение на Востоке, считаем уместным в первую очередь охарактеризовать заслуги наиболее выдающихся азиатских выпускников.

Одним из таковых стал определенный в 1851 г. в Орду хорунжим Мухаммед-Салих Караулович Бабаджанов (1832—1871).

Трогательны воспоминания М.-С. Бабаджанова о его отправке в корпус. *«Мне было 11 лет, но я хорошо помню наше отправление в Оренбург, которое было очень торжественным. Хан лично с почетной свитой и собравшимися к тому времени киргизами в числе 80 человек выехали провожать нас. Слез здесь было достаточно и со стороны мальчиков, и провожавших. Я не плакал, потому что из своего дома выехал давно, и в числе провожавших не было моих родных. Мать моя, провожая меня из дома, плакала и уговаривала не ехать. Только благоразумная воля отца и мое собственное желание были причиной того, кем меня теперь видите»* [2, с. 20].

Думается, годы учебы для казахского мальчика, как это обычно бывает, пролетели быстро и почти незаметно, и вот уже в 19-летнем возрасте Мухаммед-Салих окончил Неплюевский кадетский корпус. С 1852 по 1855 г. он служил в канцелярии Оренбургской пограничной комиссии. С 1855 по 1861 г. являлся советником Временного совета Внутренней Орды. С 1866 по 1871 г. руководил ее Камыс-Самарским отделением. В 1861 г. был избран членом Русского географического общества (РГО), которым ему была поставлена важная задача — сбор письменных материалов, вещественных экспонатов, археологических, исторических и этнографических древностей казахов и пересылка их в музейные и научные учреждения Санкт-Петербурга [3, с. 325].

За плодотворную, в том числе научно-просветительскую деятельность М.-С. Бабаджанов был награжден серебряной медалью РГО, благодаря своим природным дарованиям и стремлению к научно-исследовательской деятельности он вошел в историю казахского народа как *«ведущий представитель тюркско-казахского социума Российской империи»* [34, с. 99].

Другие азиатские выпускники, не отличившись на научном поприще, занимали видные служебные посты. К примеру, Зюлкарней Нуралиханов с 1861 г. являлся помощником правителя Таловской части Внутренней Орды [38, с. 677—678], Абдулвалий Давлетшин в разные годы возглавлял Златоустовское уездное и Уфимское городское полицейские управления [39, с. 94—95] и т.д.

Особенности воспитательно-образовательного процесса в 1850-е гг.

Специфика воспитательной политики в военно-учебных заведениях, как и принято в условиях монархического политического режима, во многом определялась личностью самого императора и назначаемого им главного начальника военно-учебных заведений. Как известно, Александр I, поначалу отличавшийся либеральными взглядами, впоследствии перешел на позиции умеренного консерватизма. Несмотря на то что Николай I изначально придерживался авторитарных убеждений, с 1831 г. должность начальника военно-учебных заведений занимал великий князь Михаил Павлович, *«под суровою и строгою оболочкой [которого] скрывалось сердце самое возвышенное, самое честное и самое доброе»* [23, с. 81].

Цесаревич Александр Николаевич, назначенный в 1849 г. на должность главного начальника военно-учебных заведений, а вскоре ставший императором, также известен своими умеренными либерально-демократическими установками. Таким образом, возможно, одной из главных тенденций воспитательной политики военно-учебных заведений XIX в. было смягчение мер наказания их воспитанников и, напротив, развитие в них таких *«главнейших нравственных качеств человека»*, как *«чувство долга, деятельность, готовность помогать ближнему, честность, правдолюбие, скромность»*; меры насильственного характера применялись с крайней осторожностью и разборчивостью только в тех случаях, в которых без этого невозможно обойтись [23, с. 90].

В этой связи особую значимость обретает исследование вопроса о применении телесных наказаний в стенах провинциального Оренбургского кадетского корпуса. Здесь мы сталкиваемся с противоречивостью сведений, изложенных в документации личного происхождения и материалах официального делопроизводства. В частности, перечитывая фрагменты «Записок» выпускника корпуса 1848 г. генерала от инфантерии Н. Г. Залесова, невольно начинаешь сомневаться в достоверности мемуарной литературы либо объективности делопроизводственной документации.

Если Н. Г. Залесов вспоминал привычные для оренбургских кадет *«розги Энгельке»*, в особенности по субботам [17, с. 46], то ни один из инспекторских протоколов многочисленных ревизий Неплюевского корпуса их не подтверждал. Напротив, все как один они заявляли об умеренности и чрезвычайности наказаний, упоминая, в крайнем случае,

карцер, но не розги, хотя мы знаем, что телесные наказания в тот период времени были обычным средством воспитания как в военно-учебных заведениях, так и в воинских подразделениях.

В частности, о розгах как о естественном и эффективном средстве воспитания кадет Неплюевского корпуса писал полковник, числящийся по армейской кавалерии, Федор Иванович Лобысевич: «...*То были нравы, когда слово гуманность не имело никакой гражданственности ни в обществе, ни, в особенности, школах, и розги, действительно, были тогда главным стимулом всего. Тот же стимул действовал и в Неплюевском училище, и в этом нет никакого сомнения, преимущественно* [как вспоминал и кадет Залесов] *по субботам*», то есть в профилактических целях [24, с. 14].

Генерал-лейтенант Владислав Филиппович Ключфель, inspectируя корпус в июне 1852 г., в разделе «Нравственное воспитание» инспекторского отчета отмечал: «...*нравственность воспитанников этого заведения достойна совершенного одобрения и похвалы*». Более того, он оценил, насколько своеобразно здесь «*воспитание юношества, столь различного по вере, языку и обычаям*», не преминув восхититься корпусными воспитателями, которым удавалось «*без применения крайних мер*» (подчеркнуто нами. — Ю. Г., А. К.) с этим справляться.

В inspectируемом учреждении он нашел постановку дела нравственного воспитания полностью соответствовавшей его взглядам и убеждениям на воспитательный процесс в военно-учебных заведениях. «*Поощрения за благонравие и прилежание, равно как и взыскания за проступки определяются здесь строго справедливостью и разборчивостью*», — свидетельствовал он. В доказательство тезиса он приводил внешний вид учеников: «*Цвет лица воспитанники имеют свежий, вид бодрый, взгляд веселый и довольный*» [22, л. 17—17 об., 19]. Положительный отзыв этого инспектора ценен для нас в связи со следующими обстоятельствами.

Воспитательная позиция В. Ф. Ключфеля четко выражена в статье о нем в «Военной энциклопедии»: «*Ключфель В. Ф. являлся сторонником не царившей тогда беспощадной суровости, а мягкости в отношении начальников к их малолетним подчиненным и сердечного внимания к их нуждам и интересам. С этими идеями он объехал все военно-учебные заведения, направляя дело воспитания в них сообразно своим взглядам*» [6, с. 600]. Таким образом, если сам В. Ф. Ключфель, посетив Неплюевский корпус, оказался «*полностью удовлетворен своим взглядом и убеждениям*», то либо описываемые генералом Залесовым «*розги Энгельке*» от Ключфеля тщательно скрыли, либо же генерал Залесов несколько гиперболизировал свои детские воспоминания о них. Постановку учебного процесса, между прочим, Ключфель, в отличие от того же Залесова, оценил тоже достаточно высоко (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ оценок качества обучения в Неплюевском корпусе выпускника корпуса 1848 г. генерала от инфантерии Н. Г. Залесова и инспектора ГУВУЗа генерал-лейтенанта В. Ф. Ключфеля

Оценка выпускника 1848 г. кадета Н. Г. Залесова	Оценка инспектора генерал-лейтенанта В. Ф. Ключфеля, 1852 г.
«Нас кормили плохо, держали в холодных комнатах*, учили всему и ничему, то есть верхушкам, налегали всеми мерами на фронт, исправно секли по субботам** и выпускали в офицеры на основании прав происхождения и познаний во фронте, не обращая никакого внимания на наши умственные способности»	«Все предметы в корпусе преподаются по утвержденным программам и руководствам. Кафедры все заняты. Затруднений в приискании учителей заведение не испытывает за исключением учителей восточных языков. Преподаватели избраны весьма способные»

Источники: [17, с. 46; 22, л. 17—17 об.].

Примечания: * Инспектор военно-учебных заведений Н. П. Анненков отмечал чистоту воздуха в дортуарах и классах Оренбургского корпуса и оптимальную же температуру воздуха: зимой в дортуарах

рах — 12—13°, в классах — 14° [1, л. 35]. Страшно подумать, какой была реальная температура воздуха в классах и дортуарах Неплюевского корпуса, учитывая приведенный Залесовым факт; ** После такого откровенного признания выпускника учебного заведения крайне забавно читаются протоколы об инспекторских проверках корпуса, которые один за другим констатировали факты отсутствия телесных наказаний в учреждении.

Инспектор Клюпфель поприисутствовал на экзаменах и отметил, что кадеты отвечают достаточно хорошо, «приятно удивился» азиатам, которые при поступлении не знали русского языка. Попутно отметил сложности обучения кадет 1-го эскадрона немецкому и французскому языкам, в особенности последнему, тем не менее, указав на старания учеников. Сочувствуя им и понимая, что выпускники корпуса по большей части выйдут на службу в иррегулярные войска, он предлагал максимально упростить учебную программу корпуса в плане сокращения теории и увеличения практики.

Особое внимание он советовал уделить лагерным занятиям и форпостной полевой службе, тем более что условия для этого в корпусе были созданы [22, л. 17 об. — 18 об.]. Кадетский летний лагерь, функционируя к 1852 г. уже 8-й год, пребывал в достаточно обустроенном и обжитом состоянии. С 1846 г. он состоял из 4-х бараков для кадет и 2-х бараков для эскадронных командиров, кухни, ледника, конюшни, столовой, рекреационной комнаты и 2-х служительских помещений. Во дворе лагеря были установлены приспособления для выполнения гимнастических упражнений [1, л. 46].

С 1851 г. под руководством поручика Заборского в верхнем классе проводились учебные занятия по топографической съемке и топографическому нивелированию [30, л. 2]. Отдельно инспектором оценивалось фронтное обучение кадет — выправка и стойка, подгонка амуниции, ружейные приемы, маршировка; у учеников верхнего класса — верховая езда. Все было найдено инспектором в полном порядке за отдельными исключениями, на которые требовалось обратить внимание и исправить [22, л. 18 об. — 19]. Вполне вероятно, что В. Ф. Клюпфель пребывал в благодушном настроении, inspectируя учебное заведение, но все же оценки такого известного и порядочного генерала вполне заслуживают внимания и доверия [33, с. 3].

По данным на 1853 г. в учебном процессе Неплюевского корпуса практически без изменений использовались следующие программы, изданные для военно-учебных заведений страны: закон божий, русский язык и словесность, математические дисциплины, физика и естественная история, история всеобщая и русская, военная топография, рисование и топографическое черчение. По этим предметам содержание учебных занятий в корпусе полностью соответствовало стандартам типовых учебных программ, принятых в военно-учебных заведениях Российской империи.

По ряду учебных дисциплин классными инспекторами корпуса были разработаны и утверждены особые программы с учетом специфики региона. К примеру, специальная программа была разработана по военной тактике. Также особые программы с учетом региональной специфики разработали и утвердили по таким предметам, как география, военное и гражданское законоведение, артиллерия, полевая фортификация. Так, программа по географии уделяла большее внимание азиатским странам, граничащим с регионом. Специальные программы для кадет 2-го эскадрона были разработаны по восточным языкам, минералогии, закону божьему для мусульман [16, л. 11—12 об.]. Одним словом, Оренбургское военно-учебное заведение являлось особенным среди аналогичных учреждений страны и свою специфику, связанную с геостратегическим положением на пересечении европейского и азиатского миров, сохраняло.

Качество успеваемости кадет, как и во всех кадетских учреждениях, оценивалось по классической 12-балльной системе. Анализ успеваемости на середину 1850-х гг. демон-

стрирует следующие результаты. В верхнем классе 1-го эскадрона максимальная успеваемость была по закону божьему, военным наукам и минералогии, по всем прочим предметам отмечались хорошие показатели, за исключением законоведения, результаты по которому в основном были удовлетворительными. Средний класс уступал верхнему по качеству успеваемости. Почти треть его воспитанников имели баллы ниже удовлетворительных. Самые высокие баллы были по закону божьему и восточным языкам, самые низкие — по математике и законоведению.

В нижнем классе по степени убывания баллов учебные предметы распределялись так: закон божий, персидский язык, география, история. Самые низкие баллы были по татарскому и русскому языкам. Приготовительный класс по качеству успеваемости не был на высоте, поскольку у большинства «приготовишек» не было никакого домашнего образования, им необходимо было учиться читать и писать, а для азиатов — еще и говорить по-русски. Как нам представляется, оценивать качественную успеваемость по учебным дисциплинам не вполне продуктивно. На наш взгляд, многое зависит от конкретного учителя. Тем не менее, учебное заведение анализировало ее именно так. Градация учебных дисциплин по степени успеваемости выстраивалась от высших к низшим баллам следующим образом: артиллерия — фортификация — тактика (очень хорошо) — минералогия — топография — тригонометрия — закон магометанский — закон божий (хорошо), остальные предметы — удовлетворительно; последнее место по успеваемости занимала алгебра как один из самых сложных предметов [27, 23 об. — 25 об.].

Отличники корпуса были востребованы. В соответствии с приказом по военно-учебным заведениям от 30 января 1858 г. было разрешено «отличнейших воспитанников 1-го эскадрона Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса после окончания ими полного курса наук переводить в 3-й специальный класс Константиновского военного училища». На этом основании в 1861 г. пятеро лучших выпускников Оренбургского корпуса были переведены в 3-й специальный класс указанного училища юнкерами [13, л. 185—185 об.].

Кадетский корпус — военное учебное заведение. Самым заметным военным событием отечественной истории 1850-х гг. была Крымская война 1853—1856 гг. Список убитых, раненых и контуженных воспитанников Оренбургского корпуса в этой войне представлен в таблице 3.

Таблица 3

Список убитых, раненых и контуженных воспитанников Оренбургского корпуса
в Крымской войне 1853—1856 гг.

Фамилия, имя, последнее место службы	Кем и куда был выпущен из корпуса	Сведения о смерти, ранении, контузии
Андрюков Владимир, поручик Полтавского пехотного полка	Выпущен прапорщиком в Оренбургский линейный батальон № 9 в 1846 г.	Умер от ран в 1854 г.
Воланецкий Александр, подпоручик Белевского егерского полка	Выпущен подпрапорщиком в Оренбургский линейный батальон № 8 в 1849 г.	Контужен в 1854 г.
Катанский Александр, подпоручик Тарутинского егерского полка	Выпущен прапорщиком в Оренбургский линейный батальон № 2 в 1849 г.	Контужен в 1854 г. под Севастополем
Поплавский Александр, поручик Бородинского егерского полка	Выпущен прапорщиком в Оренбургский линейный батальон № 6 в 1848 г.	Контужен в 1854 г. при реке Альме
Дерюгин Алексей, подпоручик Полтавского пехотного полка	Выпущен юнкером в Оренбургский линейный батальон № 6 в 1848 г.	Убит в 1855 г. под Севастополем

Фамилия, имя, последнее место службы	Кем и куда был выпущен из корпуса	Сведения о смерти, ранении, контузии
Андреев Матвей, поручик Рязжского пехотного полка	Выпущен прапорщиком в Оренбургский линейный батальон № 9 в 1848 г.	Ранен в 1855 г. при штурме Карса
Бобров Аполлон, поручик Терского егерского полка	Выпущен юнкером в Оренбургский линейный батальон № 6 в 1849 г.	Убит в 1855 г. при штурме Карса
Щербачев Василий, есаул, причисленный Генеральному штабу	Выпущен из фельдфебелей в офицеры	Убит в 1855 г. в Севастополе

Источники: [37, л. 4—4 об.].

Для 1850-х гг. было характерно внесение изменений в обмундирование офицеров и воспитанников корпуса. Особенно много изменений произошло в середине десятилетия. В частности, 18 октября 1855 г. было утверждено новое описание обмундирования чинам корпуса: *«Вместо шапки присвоена папаха кавказского образца с красным верхом; у полукафтанов, казачьего покроя, чекменей и курток положены закругленные воротники; португез драгунского образца через плечо, у офицеров из золотого галуна, а у воспитанников из черной кожи; у воспитанников патронташ с перевязью казачьего образца из черной кожи. Нестроевые нижние чины имеют обмундирование по образцу прочих кадетских корпусов»* [31].

20 марта 1856 г. было утверждено «Описание изменений в форме обмундирования генералов, штаб- и обер-офицеров, воспитанников и нижних чинов военно-учебных заведений». Для офицеров и воспитанников Неплюевского корпуса изменения носили следующий характер: *«В обмундировании офицерском. На воротнике полукафтана с каждой стороны полагается по одной петлице из золотого галуна, кроме воротника генеральского, на котором по причине широкого галуна петлиц не полагается. Обшлага темно-зеленые с красной выпушкой, с мыском по образцу обшлагов уланских; сбоку рукавов над разрезом обшлага — по две металлические пуговицы, как это положено для уланских полукафтанов. На воротнике и обшлагах для обозначения чинов нашиваются: у генералов — широкий золотой галун, у штаб-офицеров — узкий золотой галун по образцу галунов, утвержденных для генералов и штаб-офицеров военного ведомства, у обер-офицеров галунной нашивки не полагается. Вместо эполет — красные суконные погоны с нашивкой на них галунов по чинам.*

В обмундировании воспитанников. На воротнике полукафтана с каждой стороны полагается по одной петлице из золотого кадетского галуна. Обшлага темно-зеленые с красной выпушкой, с мыском по образцу обшлагов уланских полков. Сбоку рукавов над разрезом обшлага — по две металлические пуговицы по образцу офицерских обшлагов. Для различия званий полагается: у фельдфебелей на плечевых погонах полукафтанов, курток и шинелей — поперечная нашивка из широкого галуна, на обоих рукавах полукафтанов — нарукавная нашивка из того же галуна; у старших унтер-офицеров на плечевых погонах полукафтанов, курток и шинелей — узкий галун в три ряда с просветом между каждым рядом, а на рукавах полукафтанов — такая же нарукавная нашивка, как и у фельдфебелей, только в один ряд; у младших унтер-офицеров нашивки на плечевых погонах полукафтанов, курток и шинелей и на рукавах полукафтанов — по образцу старших унтер-офицеров с той разницей, что отличия на погонах из узкого галуна — в два ряда» [26, л. 14—14 об.]. Аналогичное обмундирование было предусмотрено и для эскадрона Сибирского корпуса.

Специфика воспитательно-образовательного процесса в начале 1860-х гг.

В самом начале 1860-х гг. Оренбургский корпус жил обычной размеренной жизнью. Во второй половине августа 1860 г. состоялась очередная инспекторская проверка, вновь достаточно высоко оценившая уровень воспитания и обучения в корпусе. Традиционно она осуществлялась по категориям «*воспитание нравственное*», «*образование умственное*», «*фронтное учение*», «*физическое содержание*» [воспитанников], а также «*управление и хозяйство*». Несмотря на то что кадетский корпус являлся военным учебным заведением, наибольшее внимание уделялось воспитанию нравственному. Учитывая, что страна стояла на пороге фундаментальных либерально-демократических реформ, был определен главный приоритет воспитательной политики, заключавшийся в переходе от насильственно-принудительных мер к педагогическим и наставническим. В этом плане результаты очередного инспекторского отчета весьма показательны, поскольку они отражали готовность военно-учебного заведения к практической реализации основополагающих принципов новой имперской политики.

Постановка «*воспитания нравственного*» была найдена инспектором на высоком уровне. «*Нравственное воспитание, укореняющее добрые свойства в сердцах юношей с целью приготовить из них полезных добрых граждан и верных сынов государя и отечества в этом корпусе основано на развитии [в воспитанниках] убеждения о своем долге и сознании своей вины*», — писал ревизор в соответствующем отчете. Таким образом, ревизор вновь отмечал приоритет воспитания над наказанием и принуждением, что свидетельствовало о грамотной воспитательной политике корпуса.

Главная роль в формировании указанных личностных качеств и свойств кадет отводилась законоучителям христианского и магометанского вероисповеданий. Инспектор не нашел никаких религиозных противоречий в корпусе, отметив: «*магометанская вера уважается [христианскими воспитанниками] и между кадетами незаметно фанатизма и нетерпимости*». Очередной инспектор констатировал: «*[В корпусе] весьма редко прибегают к взысканиям за неуспехи в науках, считая лучшим средством возбуждение в воспитанниках убеждения в пользе учения. Воспитанники ведут себя прекрасно, проступки их незначительны и свойственны возрасту. Взыскания за них назначаются исключительно со строгой разборчивостью и предусмотрительностью воспитателями, которые заботятся о развитии в кадетях чувства чести и стыда*».

Мне приятно заметить, — заключал инспектор, — что телесное наказание употреблялось в течение двух лет только один раз [!], между тем дисциплина неослабна и [кадеты] охотно исполняют свои обязанности. Их успех по всем частям образования виден во всем» [21, л. 1—2 об.].

Заключением этим инспектор, кажется, окончательно опровергал «ежесубботные назидательные розги Энгельке», о которых вспоминал Н. Г. Залесов. Вместе с тем нельзя не заметить, что вывод этот был сделан ревизором на основании анализа делопроизводственных документов в виде штрафных журналов корпуса, а значит, вопрос о регулярности применения телесных наказаний в качестве воспитательной меры все-таки остается открытым.

В этой связи не можем не вспомнить еще одно воспоминание Залесова о том, как «кадет [Неплюевского корпуса] держали в холодных комнатах, бессовестно воруя дрова» [17, с. 46]. Ревизор же отметил следующее: «*Воздух... в классах и других помещениях чист, и кадеты размещены по комнатам удобно. В зимнее время даже при больших морозах не ощущается в помещениях воспитанников того холода, какому подвержены кадеты в Омске*».

Спрашивается: как пришел к такому выводу инспектор, если он ревизовал учреждение во второй половине августа. Ответ дает он сам в своем отчете — *«по отзыву господина директора»* [21, л. 10 об.]. В итоге мы склонны в большей мере доверять свидетельствам бывшего кадета и считать телесные наказания и холод в помещениях бытовыми явлениями кадетской жизни характеризуемого периода, имея в виду, что в рассматриваемое время это было в порядке вещей, а не чем-то экстраординарным, особенно в военно-учебных заведениях.

С целью проверки *«образования умственного»*, *«поверки методы преподавания и способа изложения учебного материала учителями»* инспектор посетил ряд учебных занятий, оставив довольно лестные отзывы. В верхнем классе 1-го эскадрона он присутствовал на лекции преподавателя русской словесности Лебедева, отметив, что он *«с особенною ясностью, подробностью, увлекательностью объяснял воспитанникам эпическую, лирическую и драматургическую литературу древних греков»*. Проверяя знания воспитанников по этому предмету, ревизор обнаружил, что *«сочинения воспитанников на заданные темы, так же как их теоретические знания, очень хороши»* [21, л. 4 об.].

В верхнем классе 2-го эскадрона проверяющий побывал на лекции по российской истории преподавателя Крылова, на которой учитель *«с замечательною подробностью и знанием своего дела»* читал лекцию по вступлению на престол и царствованию Михаила Федоровича Романова. В подготовительном классе 1-го эскадрона была посещена вступительная лекция к Евангельской истории протоирея Сахарова. Целью этой первой вводной лекции было *«воспоминание событий, пророчеств и преобразований из Ветхого Завета»*. Для этого законоучитель *«испытывал по очереди почти всех, не забыли ли они пройденного на прошлом курсе»*. По результатам увиденного инспектор заключал: *«Я остался весьма доволен как прекрасным и вразумительным изложением лекций, так и ответами воспитанников, которые, несмотря на то что более двух месяцев не беседовали об этом предмете со своим наставником, отвечали на вопросы удовлетворительно и отчетливо»* [21, л. 4 об. — 5].

Закон божий, следует признать, был одним из самых простых предметов, а потому ревизор не преминул отправиться на самый сложный урок по математике в верхнем классе 2-го эскадрона. Математика в принципе давалась кадетам трудно, в особенности азиатам. Инспектор, зная об этом, после изложения преподавателем Аршауловым лекции об измерении площадей вызвал одного из воспитанников-азиатов, который у доски, пусть не без подсказок, но все же решил геометрическую задачу на изученную тему.

Удовлетворившись, ревизор «спустился» в подготовительный класс 2-го эскадрона с целью проверки знаний *«приготовишек»* по арифметике, и здесь был приятно удивлен. *«Я нашел, — писал он в отчете, — что вновь поступившие не только уже почти все понимают по-русски, но и пишут числа, состоящие из сотен тысяч, решают умственно довольно быстро задачи из начальных действий арифметики»* [21, л. 5—6 об.].

В этой связи инспектор поблагодарил учителя арифметики, а также учителя татарского языка Батыршина, *«который учит азиатцев по-русски, за твердое хорошее произношение как в разговоре, так и в чтении и за быстрый успех детей в такое короткое время»* [21, л. 6 об.].

По итогам проверки *«образования умственного»* воспитанников оно в целом было признано удовлетворительным и вполне соответствующим образовательным стандартам, принятым в подобного рода учебных заведениях. Специфические сложности, связанные с воспитанием и обучением азиатов, решались учреждением вполне успешно.

Военное учебное заведение предполагало, конечно же, проверку *«фронтального учения»*, и здесь инспекторская оценка оказалась положительной. Проверяющему на смотре

были представлены воспитанники 1-го эскадрона в составе 2-х взводов по 14 рядов в каждом, также 2-х взводов 2-го эскадрона по 10 рядов в каждом, одетые в новые мундиры по форме, вновь присвоенной казачьему войску, *«прекрасно щеголевато пригнанной, в папахах, с шапками и ружьями»*. Не вошедшие в ротный расчет в 1-м эскадроне 25 человек, во 2-м — 35 были представлены в аналогичном платье, но без оружия.

Ревизор отметил: *«Равнение на месте по шеренгам хорошее. Выправка под ружьем, держание ружья и всего корпуса непринужденны и молодцеваты. На приветствие воспитанники отвечали благородно, без вскрикивания. Ружейные приемы, пальба ротами, шеренгами, рядами выполнялись отчетливо и согласно. При всех движениях и ломках фронта сохранялось равнение и спокойствие. Все правила рекрутской школы и ротного учения воспитанниками усвоены достаточно основательно. Церемониальный марш повзводно скорым, вольным и беглым шагом был хорош, сохранялось равнение»*. Кавалерийские ординарцы и воспитанники верхнего класса в количестве 26 человек осматривались отдельно в конном строю, и здесь было продемонстрировано *«твердое знание правил манежной езды и сомкнутого строя»*. *«Воспитанники ездят смело, ловко по тем правилам, которые даны для регулярной кавалерии»*, — подытоживал инспектор [21, л. 8 об. — 9 об.].

Не менее благоприятных отзывов заслужило и содержание кадет в заведении. Был отмечен *«цветущий здоровый вид и приветливый взгляд»* воспитанников. Их одежда, белье и обувь были найдены чистыми, опрятными, хорошо пошитыми, подогнанными по росту и размеру, пронумерованными по принадлежности. Каждый имел по три мундира с шароварами, по три пары классного платья, по одному новому плащу и по три пары сапог. Постельное белье менялось вовремя и содержалось в чистоте. Одежда, как и полагалось, были байковыми, по два на каждую постель — старое и новое с пододеяльниками из верблюжьей шерсти.

Освещение эскадронов в классах, столовых и спальнях было ламповым. Мебель соответствовала росту кадет. Столовые приборы были индивидуальны. Чистая питьевая вода всегда имела в наличии. Хлеб за обедом имелся и черный, и белый из собственной пекарни. Квас также готовился в корпусе. Пища была обильной и готовилась из свежих продуктов, вкусная и сытная. Столовое белье, салфетки, скатерти менялись периодически. Воспитанники ежедневно прогуливались в эскадронных дворах, если позволяли погодные условия.

Весной и осенью в погожие дни воспитанники имели возможность заниматься гимнастикой на тренажерах, установленных во дворе корпуса. Тренажерами был оборудован и летний лагерь. Воспитанники верхних классов занимались *«романтичным»* фехтованием на рапирах. Верхние и средние классы в кадетском манеже 4 раза в неделю по 1,5 часа обучались верховой езде. Верхние классы обоих эскадронов обучались *«цельной»* стрельбе: в первый год курса только в лагерное время, во второй год — на регулярной основе. В зимнее время стрельбы не практиковались ввиду отсутствия тира. Воспитанники имели возможность обучения игре на музыкальных инструментах. В частности, на уроках танцев аккомпанировали сами воспитанники.

Лазарет на пару десятков кроватей был расположен в отдельном деревянном флигеле во дворе 1-го эскадрона. В случае возникновения инфекций одна из 3-х комнат лазарета отделялась. Отдельного «заразного» здания не было. В случаях массовых инфекций снималось отдельное здание у частных лиц. Так, например, было с июля по октябрь 1859 г. в условиях значительного числа заболевших «жабой» (ангиной) и скарлатиной. Своей аптеки в корпусе не было, лекарства закупались в городской аптеке со скидкой в 30%. Служащие лечились в военном госпитале.

Кадеты болели в основном в весенне-осенний период различного рода перемежающимися лихорадками (гастрическими, катаральными и ревматическими), нередко были случаи воспаления зева, подреберной плевры, острого катара дыхательных путей, случаи золотухи, различного рода сыпей и нарывов. Последними страдали преимущественно азиаты. В летний период преобладали гастрические лихорадки, в зимний — катаральные и ревматические. В феврале — апреле в госпиталь поступали в основном с воспалением горла. Сказывались особенности местного климата: низкие температуры наряду с сыростью и ветром: *«промочил ноги — заболело горло»*.

Здесь неблагоприятный климат способствовал переходу ординарных простуд в злокачественное состояние, иногда с летальным исходом. Например, за два года, с июля 1858 по август 1860 г., двое кадет умерли от чахотки легких (туберкулеза) [21, л. 8 об. — 14 об.]. В 1863 г. также умерли двое воспитанников. Старший лекарь коллежский советник Лавров так отчитывался по этому поводу: *«Один умер от нервной горячки, прострдавав более пяти месяцев, и в высшей степени изнуренный гнойными отложениями на всей почти поверхности тела и в грудной, и в брюшной полостях; другой — от воспаления желудка и кишок, начавшегося с завития кишок и перешедшего в Антонов огонь»* [29, л. 109—110]. В целом подобные случаи не являлись тогда чем-то экстраординарным. С целью укрепления иммунитета практиковались меры профилактики. Ослабленным болезнью воспитанникам давали кумыс, а перенесших золотуху отправляли на соленые озера [21, л. 8 об. — 14 об.].

Что интересно, у кадет почти не болели зубы; так, за почти полтора года с августа 1865 по 1 января 1867 г. с зубной болью в лазарет обратились только четверо воспитанников [4, л. 63 об. — 64]. Если мы, не имея специального образования, правильно понимаем, что с зубной болью самостоятельно, т.е. без обращения в лазарет, справиться нет никакой возможности, то зубы у воспитанников практически не болели. Вероятно, это было обусловлено отсутствием сахара в пищевом рационе.

Завершая характеристику корпуса начала 1860-х гг. по материалам инспекторского отчета за 1860 г., отметим, что, по всей видимости, инспектор пребывал в хорошем расположении духа либо же был приятно встречен и обласкан местным начальством, поскольку даже недостатки корпуса он как бы вуалировал, стремясь даже в них отметить положительные стороны. Например, в отчете указывалось, что в ненастную и морозную погоду кадетам 2-го эскадрона затруднительно посещать баню, расположенную в 1-м эскадроне на расстоянии полуверсты. В то же самое время отмечалось, что содержащаяся в чистоте баня была устроена в отдельном здании и выражалась надежда на то, что *«с возведением нового здания это неудобство устранится»* [21, л. 10 об.]. Другой пример. Ревизор крайне аккуратно в отличие от своих предшественников высказался о корпусных туалетах. *«Ретирадные места, будучи простого устройства, хотя и содержатся довольно опрятно, присутствие их ощутительно. При возведении нового здания, по всей видимости, начальство корпуса озаботится устроить ватерклозеты»* [21, л. 11]. Очередной инспекторский осмотр, таким образом, был вполне ординарен и в целом демонстрировал рутинную жизнь корпуса со всеми ее достоинствами и неизбежными недостатками, свойственными провинциальному учебному заведению.

Материальные проблемы корпуса и попытки их решения

«Да как, брат К. Д. [К. Д. Артюхов], у тебя славно здесь; даже андреем пахнет (ambrée), заметил А. С. [А. С. Пушкин] с улыбкою, почесываясь и поглядывая рассеянно по сторонам: очень порядочно, здесь скорее гостиная, нежели баня» [20, с. 22]. Так, по воспоминаниям кадета Неплюевского корпуса Н. Иванова, восклицал великий русский поэт при посещении училищной бани в 1833 г. То деревянное строение, в котором разме-

щалась баня и, кроме нее, ряд училищных служб, было перестроено в конце 1830-х гг., но и оно, будучи деревянным, к середине 1840-х гг. пришло в негодность, что отмечали периодические инспекторские проверки корпуса.

Впервые так остро вопрос о ветхости деревянных пристроек к основному вполне добротному каменному зданию корпуса поставил инспектор военно-учебных заведений генерал-лейтенант П. П. Годейн, который летом 1845 г. посетил учреждение с инспекторской проверкой. Годейн внимательно осмотрел заведение вполне опытным взглядом, поскольку более десятка лет, с 1832 по 1843 г., являлся директором 1-го Московского императрицы Екатерины II кадетского корпуса. В целом он нашел состояние и деятельность учреждения в полном порядке. Одно из немногих замечаний он изложил в самом конце своего отчета: *«Дом, занимаемый директором корпуса, до такой степени ветх и холоден зимой, что нет совершенно никакой возможности в нем жить, что служит единственной причиной постоянного болезненного состояния достойнейшего начальника этого заведения полковника Маркова»* [7, л. 16 об. — 17].

Столь же ветхими были и деревянные строения корпуса, в которых располагались различного рода вспомогательные службы. От ревизии к ревизии инспекторы неизменно указывали в своих протоколах на этот недостаток учебного заведения.

Отметим, что острый на язык своими критическими суждениями выпускник училища Н. Г. Залесов в своих записках характеризовал Маркова как *«одного из образованнейших людей России»*. К тому же, добавлял он, *«[Марков] был так ленив, что весь день не выходил из халата и к нам [кадетам] не заглядывал»* [17, с. 46]. Быть может, ветхое жилье директора корпуса объяснялось лишь свойственной ему ленью благоустроить свое жилище? Однако инспектор П. П. Годейн неблагоприятно отзывался и о жилище служителей 1-го эскадрона: *«Старое полусгнившее уже деревянное строение поддерживается только обмазкой да внутренними подпорами. Оно крайне опасно для жилья, поэтому помещенные в них служители всегда в опасности быть погребенными под развалинами этого жалкого строения»* [7, л. 17].

Инспектируя корпус в 1846 г., Н. П. Анненков отмечал то же самое: *«Квартира инспектора классов весьма дурна: она состоит из 4-х небольших неблагоприятных комнат, зимой холодных, летом жарких»*. Н. П. Анненков вслед за П. П. Годейном не упустил возможности пожаловаться и на директорское жилище: *«Этот деревянный дом, один из самых древнейших в Оренбурге, состоит из 7 небольших дурно расположенных комнат, низких, сырых и холодных»* [1, л. 35—35 об.].

Казалось бы, инспекторский осмотр В. А. Обручева, произведенный им в 1849 г., представлял собой субъективный взгляд, ведь он, являясь военным губернатором, был по должности местным начальником корпуса, но нет. Его тезисы во многом были подтверждены независимым ревизором Совета военно-учебных заведений, инспектировавшим корпус в июле 1850 г. Не повторяя положительных оценок, каковых и здесь было высказано немало, сконцентрируем внимание на недостатках, увиденных им.

Эскадроны корпуса (европейский и азиатский) располагались в отдельных строениях, отстоявших друг от друга достаточно далеко, что было, конечно, неудобно [32, л. 28 об.]. Между ними находилось здание Башкирского караван-сарая, построенного башкирами на их деньги, открытого в 1846 г. и по большей части пустовавшего. В этой связи обсуждалась идея размещения в нем кадетского корпуса, которую наследник престола Александр Николаевич дальновидно отверг, по всей видимости, предвидя справедливое возмущение башкирской интеллигенции и чиновничества и, таким образом, предотвращая межнациональный конфликт [12, л. 19—24 об.].

Следующий недостаток, отмеченный инспекторской проверкой 1850 г., заключался в том, что при корпусе до сих пор не было собственной корпусной церкви, хотя и были планы сделать двухэтажную пристройку к зданию 1-го эскадрона, и разместить в ней церковь, музей, рекреационный и гимнастический залы.

Существенные замечания инспектора В. Ф. Ключфеля в начале 1850-х гг. по уже сложившейся, к сожалению, традиции касались хозяйственной части. Отсутствие рекреационных залов и помещений для фехтования и гимнастических упражнений, неимение собственной церкви, ветхие и тесные помещения библиотеки и музея, к тому же соседствующие с баней, — вот что констатировал он [22, л. 20—20 об.]. Попытки решить эти проблемы путем строительства новых помещений в период 1850-х — первой половины 1860-х гг. не увенчались успехом.

В июле 1856 г. с очередной ревизионной проверкой Неплюевский корпус посетил бывший директор Полоцкого кадетского корпуса инспектор военно-учебных заведений генерал-лейтенант Федор Максимович Ореус. Не будучи очень оригинальным в оценках, он отметил все преимущества корпуса, связанные с нравственным, умственным, физическим, фронтовым воспитанием кадет, и, так же как и все его предшественники, обратил внимание на хозяйственно-инфраструктурные аспекты необустроенности учебного заведения.

«Отхожие места простые, не ватерклозетного устройства, которые очень дурны, и заведение не имеет ни возможности, ни средств устранить этот важный недостаток. Строение, где помещены баня, прачечная, библиотека и музей, весьма ветхо, особенно баня, в чем я убедился при подробном осмотре этого здания, и во избежание несчастных случаев предложил директору корпуса впредь до капитального исправления помещения воспитанников в эту баню отнюдь не водить, а приискать, что, впрочем, сопряжено с большими затруднениями, по договору вольнонаемную или частную у обывателей.

Музей имеет много замечательных коллекций, особенно по части минералогии, но, к сожалению, как библиотека, так и музей помещены в таком неудобном и ветхом здании, что нет возможности предохранить от порчи книги, атласы и другие предметы, поместить же в другое место библиотеку и музей нет никакой возможности. Больше того, нахождение библиотеки и музея по соседству с этой ветхой баней угрожает опасностью стать им жертвами огня, и в этом несчастном случае заведение рискует потерять весь музей и библиотеку, потерять в одно мгновение то, что приобреталось десятками лет» [26, л. 18 об. — 19, 23].

Таким образом, на протяжении 1840—1850-х гг. от инспекции к инспекции каждый из ревизоров высказывал свои опасения относительно безопасности воспитанников, служителей корпуса, его директора, книг и музейных экспонатов, пребывавших в ветхих строениях. Одним словом, кроме основного каменного двухэтажного здания, в котором размещался 1-й эскадрон, все остальные служебные постройки вокруг него были деревянные и ветхие, за исключением вновь выстроенного деревянного же лазарета.

В большей мере с точки зрения комфорта повезло 2-му эскадрону, размещенному в здании инженерного ведомства. Это был достаточно новый каменный комплекс, состоявший из трех отдельных строений: главного трехэтажного здания, манежа и служб. На первом этаже главного корпуса были размещены кухня и квартиры нижних чинов. На втором — 4 просторных и светлых класса, столовая, буфет и амуники. Третий этаж занимали просторные и светлые с высоченными потолками дортуары. Но у них был один недостаток: вследствие обширности помещения в дни суровых зимних стуж и буранов температура в них была около плюс 10°. Умывальные были устроены в коридоре дор-

туаров, отделяясь от них деревянными стенками. Медные умывальники и полукруглые тазы были прибиты к стенам. В здании служб размещались ледники, амбары для фуража, квартиры эскадронного командира, помощника эконома и конюшни на 30 верховых лошадей.

Главным недостатком зданий обоих эскадронов было отсутствие рекреационных залов и собственной корпусной церкви. В 1-м эскадроне под залу рекреации и вечерние богослужения приспособляли половину столовой комнаты площадью в 18 кв. м; там же проходили выпускные экзамены и прочие торжественные мероприятия [1, л. 35—35 об., 39 об. — 44 об.]. С тех пор как произошло разделение корпуса по двум разным зданиям, находившимся на расстоянии четверти версты друг от друга, регулярно отмечались неудобства такого деления. К примеру, баня находилась при 1-м эскадроне, соответственно в зимнее время переход из одного здания в другое был не просто неудобен, но чреват простудами воспитанников. Еще сложнее было с лазаретом, который тоже располагался при 1-м эскадроне [1, л. 36, 39 об., 41 об.]. В этой связи всю вторую половину 1840-х гг. периодически поднимался вопрос о целесообразности и необходимости соединения двух эскадронов в одном здании, пока в начале 1850-х гг. его решение не перешло в практическую плоскость. Вся последующая история показательна в плане демонстрации особого течения и ощущения времени в этом долгом и неспешном XIX в.

В начале 1850-х гг. было разработано два инженерно-архитектурных проекта, один из которых предполагал строительство отдельного и совершенно нового здания, другой — пристройку к существующему зданию 1-го эскадрона. Реализация первого проекта потребовала бы 300 тыс. руб., а потому он был отвергнут, осуществление второго проекта предполагало вдвое меньшую сумму, потому было решено остановиться на нем, но и его обсуждение затянулось на долгие годы. Все десятилетие с середины 1850-х до середины 1860-х гг. продолжалась бесконечная межведомственная переписка с десятками вариантов проектов смет и сметных корректировок [11, л. 1—175]. Поначалу стоимость второго проекта оценивалась в 143 тыс. руб., которые предполагалось изъять из корпусного капитала в размере 189 тыс. руб. [18, л. 115—116 об.]. Пока продолжалась межведомственная переписка, цены заметно подросли, и к началу 1860-х гг. проект оценивался уже в 173 тыс. руб. [19, 116 об. — 117 об.].

Увеличение стоимости проекта породило очередной этап делопроизводственной переписки, который завершился к середине 1860-х гг. следующей фразой начальника военно-учебных заведений генерал-майора Н. В. Исакова: *«Намереваясь ускорить распоряжение об улучшении помещения корпуса и принимая во внимание, что при возникновении вопроса о преобразовании его необходимо согласовать расположение построек с теми видами, к каким будет направлена реформа учебного заведения, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству [заведующему войсками Оренбургского края] с покорнейшей просьбой доставить мне все утвержденные планы предположенных зданий с обозначением таких местных условий, которые могут иметь значение при составлении нового плана и смет, чтобы не встретилось больше затруднений к исходатайствованию разрешения на выполнение работ на счет имеющейся для этого суммы»* [15, л. 168—169].

Это предложение, состоящее из 80 слов, завершило собой 1-й этап делопроизводственной переписки, продолжавшийся с 1852 по 1865 г., о строительстве новой каменной пристройки к зданию 1-го эскадрона Неплюевского кадетского корпуса [11, л. 1—175]. Эта столь необходимая для безопасности воспитанников, служителей корпуса, его директора, а также книг и музейных экспонатов пристройка на протяжении 1850-х — первой

половины 1860-х гг. оставалась в многочисленных бумажных проектах, сметах и словесных дискуссиях о денежных суммах, требуемых на ее возведение.

Значительным переживанием каждого из инспекторов было отсутствие в корпусе собственной церкви. На самом же деле в учебном заведении была церковь, к тому же являвшаяся исторической реликвией. В 1852 г. в жизни Оренбургского корпуса произошло знаменательнейшее событие, поначалу даже никем особо и не замеченное. 28 ноября по указанию Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В. А. Перовского из Оренбургского казачьего войска в Оренбургский кадетский корпус была *«навсегда передана и поставлена во временное помещение походная церковь бывшего Калмыцкого войска»*. На иконостасе этой церкви имелась надпись следующего содержания: *«сооружен и подарен 17 февраля 1825 года [от имени] императора Петра I владельцу калмыцкому новопросвещенному князю Петру Петровичу Тайшину»* [14, л. 3—3 об.].

Упоминание этого события требуется с целью демонстрации специфического значения рассматриваемого региона, а вместе с ним и Неплюевского корпуса. В очередной раз напомним важнейшую миссию учебного заведения — *«способствовать сближению азиатов с русскими»* [25, л. 82]. Не обошла участь *«сближения»* и калмыков. В 1722 г. русское правительство вмешалось в процесс властной междоусобицы в Калмыцком ханстве, поддержав своего ставленника на ханский престол Б. Дорджи. В стремлении заручиться поддержкой России он согласился пройти обряд крещения. Историк, почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии Владимир Николаевич Витевский так описывал это событие: *«...несколько человек из калмыцких нойонов и зайсангов... [в 1724 г.] явились в С.-Петербург и там крестились; восприемником нойонов был Петр Великий, а восприемниками зайсан(г)ов — князь Меншиков и другие сановники. Но особенно было важно по своим последствиям крещение внука Аюки... [Баксадая Дорджи], названного при купели Петром Тайшиным; [поскольку] восприемником его был сам Петр... <...>*

Забываясь о христианском просвещении своего крестника, Петр Великий подарил ему походную церковь во имя Воскресения Христова со всею церковною утварью, священными одеждами и богослужебными книгами. Этот замечательный памятник церковной археологии уцелел до наших дней и хранится доселе в домово́й церкви Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге» [5, т. 2, с. 504—505].

Историю об обретении Оренбургским корпусом этой реликвии директор корпуса, будучи в служебной командировке в Петербурге, поведал главному начальнику военно-учебных заведений. Последний в связи с этим запросил фотографический снимок церкви, который был сделан и отослан ему. Символичность этого сюжета заключается в том, что он показательно демонстрирует стратегическую миссию Неплюевского корпуса — *«сближение азиатов с русскими»*. Вот почему В. А. Перовский в стремлении сохранить историческую реликвию, связанную с крещением калмыцкого народа, настоял на передаче походной церкви из казачьего войска в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус.

Заключение

Рассматриваемый в статье период конца 1840-х — первой половины 1860-х гг. крайне важен с точки зрения анализа динамики развития учебного заведения. С 1825 по 1844 г. оно действовало в статусе провинциального военного училища, в 1844 г. было переименовано в кадетский корпус. Таким образом, анализ состояния учреждения в исследуемый период по сути является подведением итогов его функционирования за четверть века в качестве военно-учебного заведения важнейшего с геополитической точки зрения региона империи.

Всеми без исключения инспекторами, периодически ревизовавшими корпус в конце 1840-х — первой половины 1860-х гг., учебное заведение признавалось вполне эффек-

тивно действующим. Разные ревизоры, будучи генералами по званию и бывшими руководителями столичных военно-учебных заведений, неизменно фиксировали высокий уровень нравственного, умственного, военного воспитания оренбургских кадет, отмечали их здоровый вид, подобающие кадетскому статусу строевую и учебную подготовку.

Отмечался определенный кадровый голод, обусловленный провинциальным территориальным расположением Оренбурга. Тем не менее анализ формулярных списков сотрудников учреждения не позволяет утверждать о кадровом кризисе, а, напротив, свидетельствует о достаточно высоком кадровом потенциале корпуса. Средний возраст служащих составил 40 лет, средний ежегодный оклад — более 500 руб. серебром.

Ряд учителей Неплюевского корпуса имели университетское образование, были молоды и перспективны, другие же, наоборот, отличались значительным стажем работы и, соответственно, опытом. Привлечению преподавателей способствовал ряд правительственных мер. К примеру, 2 апреля 1855 г. чинам и офицерам Неплюевского и Сибирского корпусов был предоставлен ряд служебных преимуществ. В частности, на всех классных чинов и офицерских служителей названных военно-учебных заведений были распространены права сибирских гражданских служащих, связанные с сокращением пенсионного возраста и установлением дополнительного жалования через каждые 5 лет службы [28, л. 2].

Выпускники Неплюевского корпуса пополняли военные учреждения региона, усиливая офицерскими кадрами Оренбургские линейные батальоны, Оренбургское и Уральское казачьи войска. Азиатские выпускники служили в Орде и в Башкирском войске. Некоторые из них добились значительных карьерных высот на военной и гражданской службе.

За исключением ряда материальных проблем, обусловленных отсутствием единого учебного здания, к началу процесса реформирования кадетских корпусов в середине 1860-х гг. Оренбургский кадетский корпус подошел в очень приличном состоянии, что свидетельствует о целесообразности его функционирования в этом стратегически значимом пограничном регионе Российской империи.

Список источников

1. Анненков Н. П. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 31 мая 1846 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1754. Оп. 1. Д. 75.
2. Бабаджанов М.-С. Заметки киргиза о киргизах. СПб. : Тип. Н. Греча, 1861. 20 с.
3. Бабаджанов Мухамбет-Салык // Казахстан : национальная энциклопедия. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2004. Т. 1. С. 324—325.
4. Ведомость о числе больных воспитанников Неплюевского кадетского корпуса и Неплюевской военной гимназии, лечившихся в лазарете Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса с 1 августа 1865 по 1 января 1867 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 156.
5. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография : в 2 т. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. 1160 с.
6. Военная энциклопедия. Т. 12. СПб. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. С. 323—658 [нач. паг. в т. 11].
7. Годейн П. П. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 25 августа 1845 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 72.
8. Гордеев Ю. М. Оренбургское Неплюевское военное училище во второй половине 1830-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 2 (50). С. 177—203. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/50/11_50_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.11.
9. Гордеев Ю. М. Проблемы основания Оренбургского Неплюевского военного училища в первой четверти XIX в. // Сибскрипт. 2024. Т. 26, № 3 (103). С. 345—361. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361.

10. Гордеев Ю. М., Карпинец А. Ю. «Доставить этому отдаленному краю просвещенных чиновников»: роль П. К. Эссена и П. П. Сухтелена в становлении Оренбургского Неплюевского военного училища (1825—1834 гг.) // Военно-исторический журнал. 2024. № 7. С. 106—116.
11. Делопроизводственная межведомственная переписка о постройке нового здания для Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 1852—1865 // РГВИА. Ф. 1754. Д. 101.
12. Делопроизводственная переписка о размещении Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 14 сентября 1850 — 17 февраля 1851 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 95.
13. Делопроизводственное письмо главного начальника военно-учебных заведений генерал-адъютанта Д. В. Путяты Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору генерал-адъютанту А. П. Безаку 17 декабря 1861 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 120.
14. Делопроизводственное письмо директора Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Домерщикова П. В. главному начальнику военно-учебных заведений Исакову Н. В. 3 мая 1872 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 171.
15. Делопроизводственное письмо начальника военно-учебных заведений заведующему войсками Оренбургского края 22 февраля 1865 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 101.
16. Делопроизводственное письмо Оренбургского и Самарского генерал-губернатора директору Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 9 апреля 1853 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 118.
17. Длусская Н. Н. Записки Н. Г. Залесова // Русская старина. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. Т. 114. С. 41—64.
18. Доклад директора Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса 18 октября 1860 г. // РГВИА. Ф. 1754. Д. 101.
19. Доклад директора Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса 3 октября 1861 г. // РГВИА. Ф. 1754. Д. 101.
20. Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1939—40 гг.: очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1873. 212 с.
21. Инспекторский отчет 1860 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 141.
22. Клюпфель В. Ф. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 26 июня 1852 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 102.
23. Лалаев М. С. Очерк жизни и деятельности великого князя Михаила Павловича. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. 95 с.
24. Лобысевич Ф. И. Город Оренбург. Историко-статистический очерк. СПб. : Тип. Э. Гоппе, 1878. 61 с.
25. Митурич В. П. Записка о главных изменениях, которым подвергались Оренбургское Неплюевское военное училище и Оренбургский Неплюевский кадетский корпус от основания до 1 сентября 1866 года // РГВИА. Ф. 725. Оп. 53. Д. 3989.
26. Описание изменений в форме обмундирования генералов, штаб- и обер-офицеров, воспитанников и нижних чинов военно-учебных заведений. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и эскадрон корпуса Сибирского. 20 марта 1856 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 779.
27. Ореус Ф. М. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Июль 1856 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 125.
28. Отношение военного министра начальнику главного штаба Е.И.В. по военно-учебным заведениям от 2 апреля 1855 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 4. Д. 35.
29. Отчет старшего лекаря Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса коллежского советника Лаврова // РГВИА. Ф. 725. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1.
30. Поручик Заборский. Замечания о топографических занятиях воспитанников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 102.
31. Приказ по военно-учебным заведениям № 2161 // Антология форменной одежды частей Российской армии. О. Н. URL: <https://antologifo.narod.ru/pages/list4/histore/istONk.htm#p1> (дата обращения: 13.06.2024).
32. Протокол инспекторского осмотра Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 26 июля 1850 г. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 95.
33. Русский инвалид. 1885. 4 сент. № 192.
34. Селиверстов С. В. Становление светской тенденции в тюркском социуме Российской империи: европейско-русская и мусульманская образованность в интерпретации Ч. Ч. Валиханова и М. С. Бабаджанова (конец 1850-х — начало 1860-х годов) // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 98—111. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-09.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-9.
35. Семенов В. Г., Семенова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург : Оренбургское кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2017. 592 с.
36. Список воспитанников 1851 г. // РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 693.

37. Список убитых, раненых и контуженных воспитанников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. 1855 // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 118.
38. Султангалиева Г. С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Sahiers du monde russe*. 2015. № 4 (56). Р. 651—679. DOI: 10.4000/monderusse.8214.
39. Фархшатов М. Н. Дело шейха Зайнуллы Расулева. Уфа : Ин-т истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН, 2009. 356 с.
40. Формулярные списки служащих Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса за первую половину 1850-х гг. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 92.
41. Формулярные списки служащих Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса за вторую половину 1850-х гг. // РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 116.

References

1. Annenkov N. P. Protokol inspektorskogo osmotra Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 31 maya 1846 g. [Protocol of the inspection of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. May 31, 1846]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive] *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 75. (In Russian)
2. Babadzhanov M.-S. *Zametki kirgiza o kirgizakh* [Notes of a Kirghiz about the Kirghiz]. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ., 1861. 20 p. (In Russian)
3. Babazhanov Mukhambet-Salyk [Babazhanov Mukhambet-Salyk]. *Kazakhstan: natsional'naya entsiklopediya* [Kazakhstan: national encyclopedia]. Almaty, Kazak entsiklopediyasy Publ., 2004, vol. 1, pp. 324—325. (In Russian)
4. Vedomost' o chisle bol'nykh vospitannikov Neplyuevskogo kadetskogo korpusa i Neplyuevskoi voennoi gimnazii, lechivshikhsya v lazarete Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa s 1 avgusta 1865 po 1 yanvarya 1867 g. [Statement on the number of sick pupils of the Neplyuev Cadet Corps and the Neplyuev Military Gymnasium, treated in the infirmary of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps from August 1, 1865 to January 1, 1867]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 156. (In Russian)
5. Vitevskii V. N. *I. I. Neplyuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g. Istoricheskaya monografiya: v 2 t.* [I. I. Neplyuev and the Orenburg Region in its Former Composition Before 1758. Historical Monograph. In 2 vols.]. Kazan, Tipo-lit. V. M. Klyuchnikova Publ., 1897. 1160 p. (In Russian)
6. *Voennaya entsiklopediya. T. 12* [Military Encyclopedia. Vol. 12]. St. Petersburg, Tip. t-va I. D. Sytina Publ., 1913, pp. 323—658 [Start of pagination in vol. 11]. (In Russian)
7. Godein P. P. Protokol inspektorskogo osmotra Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 25 avgusta 1845 g. [Minutes of the Inspectorate Survey of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. August 25, 1845]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 72. (In Russian)
8. Gordeev Yu. M. Orenburgskoe Neplyuevskoe voennoe uchilishche vo vtoroi polovine 1830-kh gg. [Orenburg Neplyuev military school in the second half of the 1830s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 2 (50), pp. 177—203. Available at: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/50/11_50_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.50.11. (In Russian)
9. Gordeev Yu. M. Problemy osnovaniya Orenburgskogo Neplyuevskogo voennogo uchilishcha v pervoi chetverti XIX v. [Orenburg Neplyuev Military School in the First Quarter of the XIX Century: Organization Issues]. *Sibskript — SibScript*, 2024, vol. 26, no. 3 (103), pp. 345—361. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-3-345-361. (In Russian)
10. Gordeev Yu. M., Karpinets A. Yu. “Dostavit' etomu otdalennomu krayu prosveshchennykh chinovnikov”: rol' P. K. Essena i P. P. Sukhtelena v stanovlenii Orenburgskogo Neplyuevskogo voennogo uchilishcha (1825—1834 gg.) [“To deliver enlightened officials to this remote region”: the role of P. K. Essen and P. P. Sukhtelen in the development of the Orenburg Neplyuev Military School (1825—1834)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2024, no. 7, pp. 106—116. (In Russian)
11. Deloproizvodstvennaya mezhdedomstvennaya perepiska o postroike novogo zdaniya dlya Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 1852—1865 [Interdepartmental correspondence on the construction of a new building for the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. 1852—1865]. *RGVIA*. F. 1754. D. 101. (In Russian)
12. Deloproizvodstvennaya perepiska o razmeshchenii Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 14 sentyabrya 1850 — 17 fevralya 1851 g. [Interdepartmental correspondence on the placement of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. September 14, 1850 — February 17, 1851]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 95. (In Russian)
13. Deloproizvodstvennoe pis'mo glavnogo nachal'nika voenno-uchebnykh zavedenii general-ad'yutanta D. V. Putyaty Orenburgskomu i Samarskomu general-gubernatoru general-ad'yutantu A. P. Bezaku 17 dekabrya 1861 g. [Office letter from the chief of military educational institutions, Adjutant General D. V. Putyata, to the

Orenburg and Samara Governor-General, Adjutant General A. P. Bezak, December 17, 1861]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 120. (In Russian)

14. Deloproizvodstvennoe pis'mo direktora Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa Domershchikova P. V. glavnomu nachal'niku voenno-uchebnykh zavedenii Isakovu N. V. 3 maya 1872 g. [Office letter from the director of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps, Domershchikov P. V., to the chief of military educational institutions, Isakov N. V., May 3, 1872]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 171. (In Russian)

15. Deloproizvodstvennoe pis'mo nachal'nika voenno-uchebnykh zavedenii zaveduyushchemu voiskami Orenburgskogo kraia 22 fevralya 1865 g. [Office letter from the head of military educational institutions to the head of the troops of the Orenburg region, February 22, 1865]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 101. (In Russian)

16. Deloproizvodstvennoe pis'mo Orenburgskogo i Samarskogo general-gubernatora direktoru Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 9 aprelya 1853 g. [Office letter from the Orenburg and Samara Governor-General to the director of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. April 9, 1853]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 118. (In Russian)

17. Dlusskaya N. N. Zapiski N. G. Zalesova [Notes of N. G. Zalesov]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1903, vol. 114, pp. 41—64. (In Russian)

18. Doklad direktora Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa 18 oktyabrya 1860 g. [Report of the Director of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps, October 18, 1860]. *RGVIA*. F. 1754. D. 101. (In Russian)

19. Doklad direktora Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa 3 oktyabrya 1861 g. [Report of the Director of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps, October 3, 1861]. *RGVIA*. F. 1754. D. 101. (In Russian)

20. Ivanov N. P. *Khivinskaya ekspeditsiya 1939—40 gg.: ocherki i vospominaniya ochevidtsa. Prakticheskie sovety ot "ezzhayushchim v stepi* [The Khiva Expedition of 1939-40: Essays and Memories of an Eyewitness. Practical Advice for Those Departing for the Steppes]. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1873. 212 p. (In Russian)

21. Inspektorskii otchet 1860 g. [Inspector's report of 1860]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 141. (In Russian)

22. Klyupfel' V. F. Protokol inspektorskogo osmotra Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 26 iyunya 1852 g. [Minutes of the inspection of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. June 26, 1852]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 102. (In Russian)

23. Lalaev M. S. *Ocherk zhizni i deyatel'nosti velikogo knyazya Mikhaila Pavlovicha* [Essay on the life and work of Grand Duke Mikhail Pavlovich]. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha Publ., 1898. 95 p. (In Russian)

24. Lobyshevich F. I. *Gorod Orenburg. Istoriko-statisticheskii ocherk* [The city of Orenburg. Historical and statistical essay]. St. Petersburg, Tip. E. Goppe Publ., 1878. 61 p. (In Russian)

25. Miturich V. P. Zapiska o glavnykh izmeneniyakh, kotorym podvergalis' Orenburgskoe Neplyuevskoe voennoe uchilishche i Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus ot osnovaniya do 1 sentyabrya 1866 goda [Note on the main changes that the Orenburg Neplyuev Military School and the Orenburg Neplyuev Cadet Corps underwent from their foundation to September 1, 1866]. *RGVIA*. F. 725. Op. 53. D. 3989. (In Russian)

26. Opisanie izmenenii v forme obmundirovaniya generalov, shtab- i ober-ofitserov, vospitannikov i nizhnikh chinov voenno-uchebnykh zavedenii. Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus i eskadron korpusa Sibirskogo. 20 marta 1856 g. [Description of changes in the uniform of generals, staff and senior officers, students and lower ranks of military educational institutions. Orenburg Neplyuev Cadet Corps and a squadron of the Siberian Corps. March 20, 1856]. *RGVIA*. F. 725. Op. 56. D. 779. (In Russian)

27. Oreus F. M. Protokol inspektorskogo osmotra Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. Iyul' 1856 g. [Minutes of the inspection of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. July 1856]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 125. (In Russian)

28. Otnoshenie voennogo ministra nachal'niku glavnogo shtaba E.I.V. po voenno-uchebnym zavedeniyam ot 2 aprelya 1855 g. [Attitude of the Minister of War to the Chief of the General Staff of His Imperial Majesty for military educational institutions dated April 2, 1855]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1265. Op. 4. D. 35. (In Russian)

29. Otchet starshogo lekarya Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa kollezhskogo sovetnika Lavrova [Report of the senior physician of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps, Collegiate Advisor Lavrov]. *RGVIA*. F. 725. Op. 2. D. 2. Ch. 1. (In Russian)

30. Poruchik Zaborskii. Zamechaniya o topograficheskikh zanyatiyakh vospitannikov Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa [Lieutenant Zaborsky. Notes on the topographic studies of the pupils of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 102. (In Russian)

31. Prikaz po voenno-uchebnym zavedeniyam № 2161 [Order for military educational institutions No. 2161]. *Antologiya formennoi odezhdy chastei Rossiiskoi armii. O. N.* [Anthology of uniforms of units of the Russian army. O. N.]. Available at: <https://antologifo.narod.ru/pages/list4/histore/istONk.htm#p1>. Accessed: 13.06.2024. (In Russian)

32. Protokol inspektorskogo osmotra Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 26 iyulya 1850 g. [Protocol of the inspection of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. July 26, 1850]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 95. (In Russian)

33. *Russkii invalid*, 1885. Sept. 4, no. 192. (In Russian)

34. Seliverstov S. V. Stanovlenie svetskoi tendentsii v tyurkskom sotsiume Rossiiskoi imperii: evropeisko-russkaya i musul'manskaya obrazovannost' v interpretatsii Ch. Ch. Valikhanova i M. S. Babadzhanova (konets 1850-kh — nachalo 1860-kh godov) [Formation of a secular tendency in the Turkic society of the Russian empire: European-Russian and Muslim education in the interpretation of Ch. Ch. Valikhanov and M.-S. Babadjanov (late 1850s — early 1860s)]. *Istoricheskii kur'er — Historical Courier*, 2021, no. 5 (19), pp. 98—111. Available at: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-09.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-9. (In Russian)

35. Semenov V. G., Semenova V. P. *Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Istoriya v litsakh* [Orenburg Neplyuev Cadet Corps. History in faces]. Orenburg, Orenburgskoe kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva Publ., 2017. 592 p. (In Russian)

36. Spisok vospitannikov 1851 g. [List of pupils of 1851]. *RGVIA*. F. 725. Op. 56. D. 693. (In Russian)

37. *Spisok ubitykh, ranenyykh i kontuzhennykh vospitannikov Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa. 1855* [List of killed, wounded, and shell-shocked pupils of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps. 1855]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 118. (In Russian)

38. Sultangalieva G. S. Kazakhskie chinovniki Rossiiskoi imperii XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire in the 19th century: features of perception of power]. *Cahiers du monde Russe*, 2015, no. 4 (56), pp. 651—679. DOI: 10.4000/monderusse.8214. (In Russian)

39. Farkhshatov M. N. *Delo sheikha Zainully Rasuleva* [The case of Sheikh Zainulla Rasulev]. Ufa, In-t istorii, yazyka i literatury Ural'skogo nauchnogo tsentra RAN Publ., 2009. 356 p. (In Russian)

40. Formulyarnye spiski sluzhashchikh Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa za pervuyu polovinu 1850-kh gg. [Service lists of employees of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps for the first half of the 1850s]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 92. (In Russian)

41. Formulyarnye spiski sluzhashchikh Orenburgskogo Neplyuevskogo kadetskogo korpusa za vtoruyu polovinu 1850-kh gg. [Service lists of employees of the Orenburg Neplyuev Cadet Corps for the second half of the 1850s]. *RGVIA*. F. 1754. Op. 1. D. 116. (In Russian)

Информация об авторах

Ю. М. Гордеев — кандидат педагогических наук, доцент

А. Ю. Карпинец — кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors

Yu. M. Gordeev — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

A. Yu. Karpinets — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 26.12.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025;
принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 26.12.2024; approved after reviewing 25.01.2025;
accepted for publication 20.05.2025